

ВЕЛИКИЙ НОВАТОР ИСКУССТВА

— Гипсу ты мысли даешь,
мрамор послушен тебе.
А. С. Пушкин.
«Художнику».

СОЗДАНИЕ нового мира искусства, нового взгляда на цель и средства художественного творчества, воплощение в прозаических образах нового эстетического идеала — этот подвиг Пушкина принадлежит не только истории: его заветы, открытия, творческий опыт останутся вечными живыми, необходимыми, поучительными. Решение важнейших вопросов искусства всегда связывалось с отношением к пушкинской поэзии, к ее традициям высокой идейности, гражданского пафоса, глубокого проникновения в сложный и многообразный мир характеров, действий, переживаний людей.

Гениальным открытием Пушкина было открытие действительности как источника и материала поэтического творчества. Но не просто изображение, не просто отклики на окружающее, а глубокое аналитическое раскрытие процессов жизни и людских характеров в живых образах, волнующих, ибо события самой жизни стали определяющими для Пушкина-художника. Все его твор-

чество отличается единой целеустремленностью, «фокусированностью» проблематики. От «Кавказского пленника», «Цыган», «Бориса Годунова», «Евгения Онегина» путь к «Медному всаднику», «Капитанской дочке». Во всех его произведениях воплощены думы, стремления, чувства, драматизм судьбы лирического героя и судьбы современного человека вообще; раскрыты причины, мешающие свободному развитию человеческой личности; общественные условия, уродующие жизнь людей, водруженные высокими мечтами, поэтическими идеалами; конфликты, возникающие между «героем» и «средой»; многообразие отношений человека ко всему окружающему миру, его внутренняя, духовная жизнь. Представления Пушкина об идеале человеческой личности отражали тенденции, которые складывались в самой действительности, в судьбе лучших людей России, в исторических традициях народа.

Вот почему во всех жанрах творчество Пушкина открывает пути, закладывает эстетические основы для всего последующего развития классического русского реализма. По мере эволюции поэта его народность достигает нового, высшего своего выражения. Она становится неотъемлемым качеством его художественного мышления, глубоко впитывает в себя лучшие традиции русской нации, особенности русского ума, оптимистического, широкого взгляда на жизнь, обусловленного героической, многовековой борьбой народа с иноземными и собственными поработителями, условиями его бытия, его стойкостью и верой в будущее. Пушкин, учась у народа, возвращал ему исторический опыт страны, обогащенный собственным опытом мыслителя и художника.

Когда вышла в свет VII глава «Евгения Онегина», один из критиков утверждал, что она не может иметь никакого успеха, ибо «век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте». В связи с этим Пушкин заметил, что «поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато, уж верно, дарование стихотворца, а не Век ушедший от него вперед». Разъясняя свою мысль, Пушкин утверждает, что если развитие науки своими новыми открытиями отодвигает в прошлое, делает устаревшими предыдущие ее завоевания, то истинные произведения искусства остаются вечно живыми и необходимыми. Именно таков ход его рассуждений о том, что поэзия не стареет: «И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими — произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны». Продолжая мысль Пушкина, можно сказать и о его творчестве: все энциклопедии прошлого безнадежно устарели, но бессмертной остается «энциклопедия русской жизни» — «Евгений Онегин». Этот роман не только рисует нам картину прошлого, не только доставляет эстетическое наслаждение, но помогает воспитанию — эстетическому и нравствен-

Б. МЕЙЛАХ

ному — нового человека, помогает нам познать самих себя.

Старинному определению искусства как подражания изящной природе Пушкин противопоставил свое определение — «истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах...». От писателя, говорил он, требуется «глубокое, добросовестное исследование истины и живость воображения...».

Как современно звучат эти слова теперь, когда порой приходится слышать, что в век атома и завоевания космоса искусство якобы теряет былое значение, когда кто-то противопоставляет ученые художникам, пытается доказать, что художникам менее свойственна способность к анализу! В творениях Пушкина историческая действительность раскрывается с необыкновенной точностью и полнотой именно потому, что мысль, проникающая в образ, и образ, проникнутый мыслью, позволяли в необыкновенно яркой форме охватить и выразить внутреннюю сущность всего, что входило в поле зрения поэта.

А как глубоко, как насквозь материалистично понимание Пушкиным сущности гения и вдохновения — понятий, которые в идеалистической эстетике окружены ореолом мистицизма!..

Гений для Пушкина — это необыкновенный творческий дар, не отделяемый от страстной преданности обществу, от неистощимого, самоотверженного, усердного труда. Пушкину были чужды и трактовки вдохновения как божественного наития. Вдохновение — это состояние могучего творческого подъема, высшего напряжения творческих сил, всего духовного мира поэта, поэтому оно неразрывно с свободным проявлением подлинных сокровенных дум, чувств, стремлений и чуждо всему искусственному, навязанному извне.

О природе вдохновения Пушкин говорит: это — «расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных». Здесь, по существу, говорится о творческом процессе художника, о переработке впечатлений внешнего мира, их обобщении и объяснении. Объяснение, иначе говоря, аналитический, контролируемый «соображением понятий» подход к изображаемому, является, следовательно, одним из условий творческого процесса. «Вдохновение нужно в поэзии как и в геометрии», — поясняет Пушкин, словно опровергая всякого рода трактовки интуитивности сущности искусства, которое якобы отличается от науки своей «бессознательностью». Очень тонко Пушкин различал восторг (как творческий экстаз) от вдохновения: «Восторг предполагает силы ума, располагающей части в их отношении к целому».

Но, отвергая субъективистски-романтические представления об искусстве, Пушкин столь же резко критиковал чуждые природе художественного творчества рассудочность или иллюстра-

тивность. Для классицизма критерием литературного достоинства произведения было его соответствие отвлеченным требованиям «разума», поэтому в художественном творчестве общие идеи о людях и предметах большей частью замещали живое и всестороннее изображение их. На деле это вело к отречению от поэзии как искусства, отречению во имя мнимой «пользы», достигаемой риторикой. Литература же, выступившая против тирании эстетики старого общества, должна была стать литературой, оправдывающей свое высокое назначение именно как художественная литература, сильная и своими идеями, и эстетическим совершенством, способная воздействовать на читателя своими собственными средствами, не заимствованными, скажем, у философов или «красноречия». Теоретики лжеклассицизма понимали «цель» и «пользу» искусства именно как дидактику, как подчинение художественного произведения заранее нарочито установленному заданию. Такой подход к искусству приводил к нарушению гармонии между идеей и образом; идея искусственно привносилась в произведение, образы представляли собой не воплощение идей в ходе живого воспроизведения действительности, а служили средством расцвечивания идеи, украшения ее или иллюстрирования. Подобное понимание «цели» обедняло искусство во всех отношениях: литература превращалась в нечто, подобное навязчивой элементарной педагогике. Пушкин именно такие взгляды имел в виду, когда высмеивал критиков, которые «о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравучением, и видят в литературе одно педагогическое понятие». Критика Пушкиным подобных взглядов была направлена против старых, обветшалых эстетических норм, мешавших развитию искусства больших идей и жизненной правды.

Важнейшая особенность критики Пушкиным реакционно-догматических канонов старого искусства заключается в том, что эта критика велась в борьбе за реализм, за сближение литературы с жизнью, за ее демократизацию. Не случайно он вводит эстетические декларации в произведения с подчеркнуто реалистическим изображением той действительности, которая рассматривалась реакционной критикой как «низкая», недостойная поэзия (например, в поэме «Домик в Коломне» и «Езерский»).

В защите Пушкиным высокой идейности искусства была еще одна линия. Обращаясь к светской черни, поэт восклицал:

Тебе бы пользы все — на вес,
Кумир ты ценишь
Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем
не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!..
так что же?
Печной горшок тебе
дороже;
Ты пищу в нем себе варишь.
(«Поэт и толпа»)

С позиций Пушкина, подобное низменно-потребительское принижение и на-

туралистическое опошление искусства столь же чуждо истинно прекрасному, как и аристократическое презрение к «прозе жизни». Пушкин в тех же выражениях полемизировал с плоским, убогим пониманием искусства, защищая драму народную, цель которой — «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная».

Когда подлинный поэт создает свои творения, он возвышается над всем переходящим, освобождается от предрассудков, мешающих ему, полностью посвящает себя высокой, вдохновенной цели. Таков образ Чарского — петербургского стихотворца в «Египетских ночах»: «Он был поэт, и страсть его была неодолима...». Когда находило на него вдохновение, то «и свет, и мнение света, и его собственные причуды для него не существовали. Он писал стихи». Неодолимость страсти к поэзии, преданность своему труду, заставляющая забывать все «невзгоды», связанные с этим «ремеслом», придают романтическую в самом лучшем смысле слова возвышенность образу Чарского.

В «Египетских ночах» вдохновение Чарского охарактеризовано как «то благодатное расположение духа, когда мечты явственно рисуются перед вами, и вы обрываете живые, неожиданные слова для воплощения видений ваших, когда стихи ложатся под перо ваше, и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли». Здесь творческий процесс снова характеризуется как единство поэтического воображения, «видений» и «стройной мысли».

Пушкин следует той на редкость опередившей свое время оценке соотношения вдохновения и аналитической способности мышления, которая, по его убеждению, свойственна подлинным людям искусства.

Маяковский призывал учиться у Пушкина его «максимально добросовестным творческим приемам, которые дают верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли». Да, «чувствуемая мысль», мысль, окрашенная глубоко личным восприятием жизни, и вместе с тем «мысль диктуемая», возникающая в живой практике творчества и борьбы, — в этом действительное своеобразие художественной системы Пушкина, в этом смысл его гениального новаторства.

Советская Культура, 10 фев. 1962